

— Словари пишутся, создаются для профессионалов, для тех, кто хочет ими стать, или просто для любознательных. Кого по преимуществу вы имели в виду, создавая свой?

— Вероятно, и тех, и других, и третьих. Наш двухтомник (в особенности во второй своей части) должен выполнять обязанности словаря, справочника, и хотелось бы обмануть ожидания тех, кто будет им пользоваться в этом его качестве. Здесь можно найти не только полный репертуар Художественного театра за сто сезонов (название пьесы, автор, режиссер, художник, композитор, день премьеры, количество представлений), но и репертуар Первой студии и выросшего из нее МХАТ Второго, репертуар Второй, Третьей, Четвертой студии МХАТ, репертуар Музыкальной студии. Как ни удивительно, этот раздел — своего рода новинка. Ни в одной известной нам книге перечня премьер МХАТ Второго до дня его ликвидации в 1936 году не нашлось. Еще "новинка": аннотированный перечень пайщиков и вкладчиков, в разные годы участвовавших материально в деле Художественного театра. В том же втором томе идет полный (как мы надеемся, полный) список актеров, входивших в труппу на протяжении ста сезонов. Есть указатель гастролей — где, когда, что играли за эти годы. Заключает издание список труппы, каков он был к началу сотого сезона.

Этот-то список раздобыть труда не стоило, а вот составляя иные, пришлось покопаться в материалах, да еще и поломать голову — где эти материалы найти. Особо надо отметить усилия тех, кто составлял перечень пайщиков. Жалко, что они (Ольга Александровна Радищева и Людмила Ивановна Савельева) обязали себя быть аскетичными: за многими из отысканных ими фамилий стоят замечательнейшие и часто трагические судьбы, которые можно бы развернуть перед читателем.

Повторю, двухтомник готов служить словарем и справочником. Но это все же не совсем словарь. Не вполне словарь. Не только словарь. А первый том и вовсе не словарь.

Да и второй... Там в алфавитном порядке идет около шестисот коротких "портретных" статей. Прежде всего — актеры, драматурги, режиссеры, художники МХТ, но и те из гримеров, капельдинеров, одевавшихся, кто служил своему Театру с меньшей многолетней преданностью, с меньшим радостным самоотвержением, чем Москвин или Качалов: "мы люди тени, но и тень этого театра светла", — так красиво сказал о себе и своих сослуживцев один из них.

Мне страшно вато, не станут ли дотошные читатели высчитывать строчки и по числу строчек судить, кого составители этого раздела ценят больше (сверх объективных заслуг), кого — меньше, недооценивают. Умоляю: обойдитесь без строкомера. Мы своим авторам не задавали точных размеров (что вообще-то для энциклопедического словаря является нормой). Разумеется, были общие требования: имя-отчество, день, месяц, год, место рождения, звание, коли имелось, где получил образование, в какие годы был в МХТ. Но к тому же хотелось, чтобы лицо было очерчено сколько-нибудь живо, сколько-нибудь точно, и чтобы в нем так же проступали характерные черты "мхатовца", как и неповторимость собственного выражения. А сколько для этого потребуются строк, — ей-Богу, не так уж важно. Есть таланты и судьбы, легко укладывающиеся в краткое определение, очерчиваемые одной неотрывной линией. Есть совсем иные. Это, во-первых. А во-вторых, — есть разные авторы статей. Тянуть всех на один салтык?

Если меня спросят, какие укоры для меня желательней — укор ли в разное портретных статей или в их избыточной унификации, я бы жалобно возразила: а нельзя ли вообще отнестись к нашей работе как-то помягче? она ведь такая трудная... столько сил ей отдано разными хорошими людьми. Ей-Богу же — хорошими!

Божись не божись, все равно усмотрят злой умысел. И вовсе страх подумать, как потребуют объяснений, почему иксу — отдельная статейка, а игрека ищи в именном указателе.

Умные все-таки были люди, эти Дидро с д'Аламбером. У них ведь вообще в их энциклопедии знаменитой — ни про одного писателя или там актера или там ученого. Из имен собственных только Юпитер да Венера с прочими богами, города и страны. Но уж точно — ни одной фамилии современников.

Инна Соловьева Диалог между фактами

Двухтомник, о котором рассказывает Инна Соловьева, в общем-то уникален. Не знаем других книг, в которых столетняя история театра была бы изложена с такой исчерпывающей полнотой. И академической точностью. "Московский Художественный театр. 100 лет" выходит, как явствует из названия и как нетрудно догадаться, к юбилею Художественного театра.

В редакционной коллегии книги, выпущенной издательством "Московский Художественный театр", А.Смелянский, И.Соловьева, О.Егошина, художественное решение двухтомника принадлежит В.Валериусу, Г.Новицкой и Н.Панкевичу. В работе принимала участие группа авторов.

Впрочем, еще умней был Вольтер: сам в энциклопедии не работал, отзывался о ней со стороны и прохладно.

Митрополит Евгений в своем словаре русских писателей упоминал только умерших. Тоже разумно.

Впрочем: что ж я так криво отвечаю на вопрос... Это нервы перед премьерой книги, наверное. Сколько бы ни оказалось читателей со злыми строкомером, сколько бы ни оказалось задетых самолюбий и сколько бы ни допустили мы в самом деле досадных пропусков, — мне кажется, в нашем труде будет воспринят его добрый смысл.

Сделаю мечтательное предположение: где-то живет человек, который приобретет этот двухтомник в качестве справочника, а потом в какую-то минуту начнет первый том и даже второй читать. Подряд. Угадает в этой россыпи ее тайную структурность. Не структуру книги угадает, хочу я сказать, но ее собственную, этой россыпи жизни МХТ, природную тайную структурность. Мы, составители, вроде бы и не стремились специально к тому, чтобы эту структурность обнаружить и обнародовать, — она сама проступала, когда все собралось воедино.

— Выход словаря приурочен к столетию Художественного театра — не так ли? Но, зная не понаслышке работу научно-исследовательского сектора (он же — в прошлом — Комиссия по изучению Станиславского и Немировича-Данченко), предположу, что не только в юбилее тут дело. Что сам накопленный материал требовал такой или похожей книги. Несмотря на немалое количество других, уже вышедших, — так ли это?

— Ну, я про это самое и говорю. Многие впервые дало себя увидеть и осмыслить в соседстве. И вот еще что: какие-то вопросы художественной жизни искусствоведению приходится сызнова ставить перед собой (и перед читателем, тем самым) через какие-то перерывы. Продолжительность этих перерывов не определишь, но лет двадцать или тридцать — срок где-то в этих пределах. Кстати, примерно столько лет прошло после последнего справочного издания, посвященного МХАТу (вышло в 1962-м).

Надо ли пояснять, что дело не в готовности повиноваться или противостоять политической конъюнктуре, — дело во внутренних законах развития культуры. Работает не столько даже накопление новых знаний, сколько душевные смещения. Как, оказывается, эта сложная и неуловимая динамика существенна даже и для сугубо справочного издания.

Насчет приуроченности издания к юбилею еще вот что скажу: когда-то было понятие "подарочной книги". Оно стало вроде бы понятием отрицательным, но исходно-то лучшие издания, с десятых годов нашего века посвящавшиеся Художественному театру и его спектаклям, были образцом книги, которую хотелось дарить и получать в подарок: умные, красивые, какие-то разом и домашние (как домашний альбом с фотографиями) и нарядные. Прекрасный был у многих из этих книг художник — знаменитый график С.В.Чехонин. И фотограф дивный: М.А.Сахаров. Я рада, что у нас в словаре есть статейка и про Сахарова, и про издательского работника А.М.Бродского. Была в те годы такая манера — иллюстрации давались на небольших вклеечках. Во многих экземплярах старых книг, которые я видела, какие-то снимки оказывались отклеенными. С точки зрения библиофила — испорченная книжка, а, по-моему, только выигравшая в своей цене. Я знала людей из старшего поколения, которые на фронт Первой мировой и в гражданскую брали с собой вместе с фотографиями матери или невесты эти вынутые из мхатовских монографий листочки с лицами трех сестер.

Сегодня МХАТ не кажется такой безусловной частью русской домашней жизни; у нашей книги иной облик. Но, по-моему, и художник В.Е.Валериус, и Т.В.Новицкая, и Н.Ю.Панкевич сделали работу на редкость хорошо. Фотографии, казалось бы, навсегда "забитые", здесь смотрятся с удивляющей свежестью, четкостью, такие живые, просто диву даешься. Так же восхищает альбом, посвященный сценографии, — цвет великолепен и точен. Вообще, все связанное с художниками МХТ, кажется мне особой удачей словаря: мы тут обязаны таланту и познаниям Аллы Александровны Михайловой: именно она стала автором почти всех портретных статей и со-

держательнейшей "вводки" к альбому. Помянувши изобразительный ряд, стоит благодарно назвать также Анаит Оганесян и ту же Людмилу Савельеву.

— Открылось ли в процессе работы для вас самих — имено в виду людей, трудившихся над этим изданием, нечто новое? Или была лишь систематизация для вас известного?

— Открылось, открылось... Хочется верить, именно это и прочтется. А вкратце не назову. Открылось именно потому, что потребовалось и была проведена какая-то систематизация. Сошлись вместе прежде не сопоставлявшиеся вещи, возник диалог между фактами (даже не диалог, а какой-то общий разговор их, втягивающий все новых участников; факты окликают друг друга, возражают, переспрашивают).

И вот что еще открылось: возможность согласовывать рабочие и творческие усилия авторов разных поколений, разных научных школ. Неценима была помощь людей из музея МХАТ; его директор В.С.Давыдов выступает, кстати, автором многих портретных статей — их ценность прежде всего в том, что они писаны "с натуры", о тех, кого автор знает по своему с ними сценическому партнерству. В книге очень широкий состав участников, — от старейшины нашего цеха, покойного Виталия Яковлевича Виленкина (это его последняя работа, его памяти мы посвящали завершение труда, при нем начатого) — до совсем молодых, кому, как Аркадию Островскому или Маше Хализевой, еще далеко-далеко до тридцати. Так вот в чем открытие: вместе было хорошо. Мы работали в каком-то дружелюбном единстве, как мне кажется. Я, во всяком случае, в этой работе испытала много радости.

— Опять-таки, насколько я знаю, готова (в печати) и следующая книга — чрезвычайно любопытное и неожиданное издание. Впрочем, проглядывая его подготовительные варианты, я поняла, что оно не своевольно, а закономерно. Как вы назовете эту книгу?

— Если имеется в виду работа, на которую нас подбил Олег Ефремов, давно заинтересовавшийся, кому в сегодняшнем сценическом искусстве приходится сродни Художественный театр, как это родство прослеживается, — работа пока еще не в печати, и как ее назвать — не знаю. Страшно много интересного узнаешь "по пути". Интересен сам импульс к разветвлению, заложенный в генах Художественного театра. Разветвление ведь началось рано, было столь же плодотворным, сколь и мучительным. На ранних стадиях жизни Театра (так — с большой буквы — они предпочитали называть свой МХТ) также очевидна драма отцовства (критик Л.Я.Гуревич как раз в этот момент уговаривала Станиславского взять роль короля Лира), как очевидно и драма мятежного сыновства (Мейерхольд, Вахтангов). Впрочем, считаться родством еще и забавно. "Современник" вроде бы дядя "Таганки" — двоюродный дядя. Впрочем, надо проверить: может быть, двоюродный дедушка. В генеалогии частенько бывают такие сюрпризы. Например, все рот открывают, когда по генеалогической таблице показываешь: М.Ю.Лермонтов, убитый на дуэли в 1841 году, и Петр Аркадьевич Столыпин, убитый в 1911-м, — кузены. Проверьте: бабушка одного и дедушка другого — родные брат и сестра.

— Мхатовский архив давней поры — богатство для историков театра. А нынешний — с нашей непривычкой писать письма и дневники — даст ли он что-нибудь для работы будущих историков? Или придется в основном провалиться печатной продукцией, к сожалению, столь поверхностной и лицемерной, особенно в последнее время?

— Кто может знать, пишут ли сейчас письма и ведут ли дневники. Очень может быть, что пишут и ведут.

Вообще-то за последние лет десять основные поступления новых знаний о прошлом были у нас за счет архивов секретных служб. Ныне текущие годы будут, должно быть, документированы несколько иначе: открой любую газету, все тайны наружу, жанр компромата — любимый жанр и журналистов, и читателей. Зато в архивах, вероятно, потом найдутся какие-то совсем иные документы. Кто-то обязательно фиксирует текущее мгновение театра — закрепляет его чистым пером на чистой бумаге и с чистыми намерениями.

Беседовала
Натэла ЛОРДКИПАНИДЗЕ